

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 14-КГ18-53

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

12 февраля 2019 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Гетман Е.С.,
судей Романовского С.В. и Киселёва А.П.,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по иску САО «ВСК» к Букатову Александру Александровичу и индивидуальному предпринимателю Ковалеву Андрею Алексеевичу о признании недействительным договора об уступке прав требования

по кассационной жалобе индивидуального предпринимателя Ковалева Андрея Алексеевича на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда от 10 апреля 2018 г.,

заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Романовского С.В., выслушав объяснения Ковалева А.А., представляющего свои интересы, а также интересы Букатова А.А. и Ковалевой Н.И., и поддержавшего доводы кассационной жалобы, представителя САО «ВСК» Зяблова Е.Н., просившего кассационную жалобу отклонить,

установила:

САО «ВСК» (далее – общество) обратилось в суд с вышеуказанным иском, указав, что 15 октября 2015 г. с Букатовым А.А. был заключен договор добровольного страхования автомобиля (далее – договор КАСКО). После наступления страхового случая и обращения за страховой выплатой Букатов А.А. заключил с ИП Ковалевым А.А. договор цессии, по которому уступил свои права требования к страховщику. При этом вопреки требованиям договора КАСКО и Правил страхования Букатовым А.А. не было получено согласие общества на уступку данных требований, что является основанием для признания договора недействительным.

В связи с изложенным общество просило признать недействительным договор цессии от 3 ноября 2016 г., заключенный между Букатовым А.А. и ИП Ковалевым А.А.

Решением Левобережного районного суда г. Воронежа от 22 ноября 2017 г. в удовлетворении исковых требований САО «ВСК» отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда от 10 апреля 2018 г. решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым признан недействительным договор цессии от 3 ноября 2016 г., заключенный между Букатовым А.А. и ИП Ковалевым А.А.

В кассационной жалобе ИП Ковалев А.А. просит отменить указанное апелляционное определение.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Романовского С.В. от 10 января 2019 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, объяснения относительно кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению.

В соответствии со статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Такие нарушения были допущены при рассмотрении данного дела.

Из материалов дела усматривается, что 15 октября 2015 г. между Букатовым А.А. и обществом заключен договор КАСКО, по условиям которого страховое возмещение осуществляется в форме ремонта автомобиля на СТОА по выбору страховщика.

27 февраля 2016 г. произошло дорожно-транспортное происшествие, в котором застрахованный автомобиль получил повреждения, в связи с чем 20 апреля 2016 г. Букатов А.А. обратился к страховщику за получением страхового возмещения.

3 ноября 2016 г. между Букатовым А.А. и ИП Ковалевым А.А. заключен договор уступки права требования в связи с произошедшей аварией.

Согласно пункту 1 договора cedent уступает, а цессионарий принимает права требования, возникшие в результате повреждения транспортного средства, произошедшие при наступлении страхового случая 27 февраля 2016 г.

с участием автомобиля под управлением собственника Букатова А.А., в том числе и право требовать:

- 1.1 возмещения ущерба от страховой компании САО «ВСК» по страховому полису № [REDACTED];
- 1.2 компенсационной выплаты от профессиональных объединений страховщиков, в том числе Российского Союза Автостраховщиков, Всероссийского Союза Страховщиков, в том числе, в случае банкротства или отзыва лицензии у страховой компании;
- 1.3 возмещения ущерба от причинителя вреда;
- 1.4 возмещения утраты товарной стоимости;
- 1.5 уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами (в соответствии со статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации);
- 1.6 возмещения убытков;
- 1.7 уплаты неустоек, пени и штрафов;
- 1.8 с лиц, на которых законом возлагается обязанность в возмещении вреда и (или) части вреда, но самих не являющихся причинителями указанного ущерба;
- 1.9 иные права, обусловленные данным дорожно-транспортным происшествием.

Отменяя решение суда первой инстанции и признавая указанный договор цессии недействительным, суд апелляционной инстанции исходил из того, что пунктом 7.6 Правил добровольного страхования САО «ВСК» предусмотрено, что права и обязанности страхователя по договору не могут быть переданы кому бы то ни было без письменного согласия страховщика, а при заключении спорного договора такое согласие получено не было.

С выводами суда апелляционной инстанции согласиться нельзя по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 388 Гражданского кодекса Российской Федерации уступка требования кредитором (цедентом) другому лицу (цессионарию) допускается, если она не противоречит закону.

В соответствии с пунктами 3 и 4 той же статьи в редакции, действовавшей на момент заключения договора уступки права требования от 3 ноября 2016 г., соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения.

Право на получение неденежного исполнения может быть уступлено без согласия должника, если уступка не делает исполнение его обязательства значительно более обременительным для него. Соглашением между должником и цедентом может быть запрещена или ограничена уступка права на получение неденежного исполнения.

Пунктом 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» разъяснено, что уступка требований по денежному обязательству в нарушение условия договора о предоставлении согласия должника или о запрете уступки, по общему правилу, действительна независимо от того, знал или должен был знать цессионарий о достигнутом цедентом и должником соглашении, запрещающем или ограничивающем уступку (пункт 3 статьи 388 Гражданского кодекса Российской Федерации). Вместе с тем, если цедент и цессионарий, совершая уступку вопреки названному договорному запрету, действовали с намерением причинить вред должнику, такая уступка может быть признана недействительной (статьи 10 и 168 указанного кодекса).

Однако указанные правовые нормы и акт их толкования не были учтены судом апелляционной инстанции, который признал недействительным весь договор цессии от 3 ноября 2016 г., в то время как этим договором кроме пункта 1.1 однозначно предусмотрена уступка требований по денежным обязательствам, а сама по себе уступка таких требований без согласия должника не влечет недействительности сделки.

При этом судом второй инстанции также не учтены положения статьи 180 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части.

Апелляционным определением по иску общества признан недействительным весь договор цессии, в то время как по данному договору передавалось не только право требования к САО «ВСК» по страховому полису № [REDACTED], но и право требования компенсационной выплаты к Российскому Союзу Автостраховщиков, возмещения ущерба к причинителю вреда, возмещения утраты товарной стоимости, уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами, возмещения убытков, уплаты неустоек, пени и штрафов, а также иные права, обусловленные дорожно-транспортным происшествием от 27 февраля 2016 г.

Суд второй инстанции не указал мотивы, по которым пришел к выводу о признании недействительным договора цессии в части передачи денежных требований, не связанных со страховой компанией и не требующих согласия на их уступку, в связи с чем вынесенное апелляционное определение не может быть признано соответствующим положениям статей 198 и 329 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Допущенные судом второй инстанции нарушения норм права являются существенными, в связи с чем апелляционное определение подлежит отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении и обсуждении вопроса о действительности

договора цессии в части, касающейся пункта 1.1 договора, предусматривающего уступку права требования возмещения ущерба по страховому полису от страховой компании САО «ВСК», суду апелляционной инстанции следует учесть разъяснения, содержащиеся в пункте 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», согласно которому при наличии спора о действительности или заключенности договора суд, пока не доказано иное, исходит из заключенности и действительности договора и учитывает установленную в пункте 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации презумпцию разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений. Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или к признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу.

Учитывая, что в пункте 1.1 договора цессии не содержится четкого указания о переводе права требования на получение страхового возмещения в натуральной форме, то содержание этого условия договора может толковаться и как допускающее право требовать страховые выплаты в денежной форме. Такой вариант не исключается в случае неисполнения страховщиком обязанности организовать ремонт поврежденной машины, а уступка требования по денежному обязательству, как указано выше, допускается независимо от наличия ограничения или запрета такой уступки, содержащихся в договоре (пункт 3 статьи 388 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Руководствуясь статьями 387, 388, 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда от 10 апреля 2018 г. отменить, направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Председательствующий

Судьи